

Формирование черноморского казачества

Прочее

Правительство спешило укомплектовать новое казачье войско. Вербовка казаков была поручена бывшим запорожским старшинам. Власти всячески поощряли вербовщиков, награждая их чинами в первую очередь. При этом на вербовщиков возлагались материальные затраты, связанные с их обязанностями. Так, старшина И. Курлянский в письме Сидору Белому от 26 января 1789 г., препровождая списки завербованных, докладывал, что он собрал их «своим собственным трудом и коштом». Полковой хорунжий К. Куций в прошении в Кош от 19 июля 1789 г., ходатайствуя об отставке с чином, ставил себе в особую заслугу то, что он на вербовал 300 человек казаков. Группа старшин в рапорте кошевому атаману от 7 апреля 1788 г., ходатайствуя о производстве в чины, прямо ссылается на ордер Потемкина, согласно которому чины могли получать только те лица, которые «являлись бы с проводниками по несколько и товарищей на службу Войска верных казаков приводили». Действительно, Потемкин в ордере С. Белому от 15 марта 1788 г. писал, что просьбы о производстве в чины он готов удовлетворить, «но с тем, однако, чтобы сим просители явились наперед... к секунд-майору Чепеге конные, приведя с собой и по несколько товарищей на службу». Правительственные и казачьи власти, определяя правила службы в Черноморском войске, продолжили и развили практику найма казаков на службу, существовавшую в Запорожской Сечи. В одном случае старшины или казаки состояли на службе вместе со своими наемниками, в другом — личная служба нанимателей была лишь юридической фикцией, так как наемники полностью заменяли их при прохождении службы. И в первом, и во втором

случае поставка наемников вознаграждалась чинами и другими поощрениями. Вот характерные документы. Полковой старшина армии капитан Клим Перепеленко в прошении на царское имя об увольнении в отставку, поданном в 1789 г., мотивировал свою просьбу, в частности, тем, что он оставил на своем месте и на собственном коште трех казаков. В приложенном к прошению черновике отзыва от начальства свидетельствуется, что «означенный Перепелицын с самого начала собрания верного войска находился безотлучно на службе» и «содержал в сем войске... трех Козаков на собственном своем коште». Старшина армии подпоручик Михаил (фамилия неразборчиво), в прошении в Кош от 2 ноября 1789 г. заявлял, что он после разрушения Сечи поселился в Таврической области, а в 1788 г. вступил в Черноморское войско «с пятью на моем коште козаками». Разумеется, ставить наемников могли лишь состоятельные люди. Они, следовательно, и получали все преимущества, вытекавшие из установленных в войске порядков. Кошевой Чепега в рапорте Потемкину от 1788 г. подчеркивал, что он, в строгом соответствии с ответом последнего от 15 марта, будет представлять к наградам только тех из старшин, кто имеет большие «достатки и имения и более слугителей на собственном его коште и лошадях в сию команду». Это право он распространял и на тех старшин, которые по состоянию здоровья не могли нести личную службу, но выставляли в конницу по несколько казаков за собственный счет. Такое правило отбывания службы распространялось и на казаков, однако с тем различием, что в первое время за старшиной признавалось преимущественное право на получение наград за поставку нескольких наемников. Полковник Порохня в рапорте Головатому от 31 октября 1789 г. просил отпустить в помещичью слободу казаков Ивановского куреня Свистуна и Кожушко, так как «на месте ж их остаются на смене два казака». В дальнейшем мы еще вернемся к этому положению. Возможность причисления к Черноморскому войску без обязанностей личной службы была, разумеется, заманчива не только для имущего слоя запорожского казачества. Этой возможностью не пренебрегали и элементы, которым по тем или другим соображениям, главным образом экономическим, выгодно было состоять под

протекцией казачьего войска. Приказчик генерала В. С. Попова поручик Вольский, как видно из письма Головатого Чепеге от ноября 1790 г., просил Попова отвести ему землю в Таврической области. Но так как просимый участок входил в границы территории, предназначавшейся Черноморскому войску, то Вольский «решился... быть на службе в сем войске или на месте своем поставить двух конных человек для отбывания наравне с прочими службы». Вольский вошел в сделку с Головатым по сему предмету, и последний просил кошевого Чепегу написать от себя Попову, «пояснив во оном (Вольского — В.Г.) ... полковым старшиною». Вольский предполагал развернуть на войсковой земле обширное хозяйство, строить и заселять хутора и т. д. Одновременно он добивался получения полномочий на вербовку запорожцев. Головатый откровенно писал Чепеге, что за все просимое Вольский «доставит вам с лучших черкесского коня», и добавлял, что в этом человеке он нашел «искру добродетели». Людей, в сердце которых не только тлела искра, а горело целое пламя подобной «добродетели», было немало. Некто Станислав Гадлевский, видимо состоявший с Головатым в приятельских отношениях, писал к нему 4 августа 1793 г. в шутливо-грубоватом тоне, излагая целый проект. Основной смысл просьбы сводился к тому, что Гадлевский, крупный помещик, скотовод, коневод и рыбопромышленник, владения которого примыкали к территории Черноморского войска, хотел приписать своих рабочих, по его выражению, польских выходцев, в казаки. Конечно, речь шла лишь о формальной приписке: «Не можешь ли, батя, их записать, но тоже с тем, чтобы в Кош оных не требовали». Так же он просил поступить и с поселянами его имения, несомненно беглыми. За услуги Гадлевский предлагал Головатому быть с ним «в овцах половинщиком». В следующем письме от 5 августа Гадлевский просил и его самого записать в казаки: «Однако ж все-таки причисли меня в казаки». Иногда в Черноморское войско вступали мелкопоместные и беспоместные украинские дворяне. При этом нередко такое вступление было чистой фикцией. Новоприписанный казак или старшина жил преспокойно дома, вне территории войска, получив документы о бессрочном отпуске. Были случаи, когда принимаемый в войско

не утруждал себя даже такой формальностью, как личная явка к начальству, а получал казачьи документы дома. Федор Квитка, о котором упоминалось ранее, исполнял обязанности агента по вербовке дворян в черноморцы. Головатый в письме ему от апреля 1795 г. сообщал, что он посылает на дом отпускной паспорт впредь до востребования некоему Андрею Артюхову, харьковскому жителю, о приеме которого в войско ходатайствовал Квитка. В другом случае аттестат о прохождении службы в войске был послан приятелю Квитки Михаилу Юрьевичу Лисевицкому. Квитка, рекомендуя Лисевицкого Головатому, писал: «И в самом деле, батьку, сей добрый человек - готов из женою и з детьми переехать в Фанагорию». Причины такого запоздалого «казакофильства» Лисевицкого и, следовательно, подобных ему Квитка в письме Головатому от 28 октября 1792 г. разъяснил с полной откровенностью: «Но бедный несчастлив, треба ему, батьку, помогты, як бы у вас ему земляка да де було рыбку ловить, щоб парши трохи откидаты». О некоем И. С. Заславском Квитка писал 19 июня 1789 г.: «Доброго человека и честного... не оставьте, батьку, зделайте сотником». Подобного происхождения «сотник», получив землю на войсковой территории, при благоприятных обстоятельствах заполнял свой формуляр фантастическими сведениями о пребывании в Запорожской Сечи, чтобы затем ходатайствовать перед высшим начальством о милостях. О Заславском Квитка в том же письме Головатому просил: «Да не можно ли означить, что он и прежде был в Кошу». В черноморцы шли и дворяне, промышлявшие на Украине мелкой торговлей и намеревавшиеся под эгидой казачьего войска упрочить свое материальное благосостояние. Черноморский полковой хорунжий дворянин Демьян Письменный в своем прошении в Кош писал, что в г. Лубнах у него семья и следующее имущество: дом ценой в 200 р., лавка с красным товаром на сумму 200 руб. и «комора шинковная» ценой в 50 руб. Письменный просил начальство исходатайствовать для него, как черноморца, свободу от платежей и повинностей, связанных с его положением городского торговца. В Черноморское войско тянулось мелкотравчатое украинское дворянство, стремившееся получить землю. Состоятельные дворяне, поступившие в

черноморцы во время войны и получившие чины, вовсе не прельщались перспективой переселения на Кубань и обязанностями, налагаемыми войсковой регулой. Старшина Черноморского войска капитан Хмельницкий, ранее служивший в Бугском казачьем полку, ходатайствовал об исключении его из списков Черноморского войска. Свое нежелание переселиться на Кубань объяснял тем, что вступил в черноморцы «для одного только продолжения службы, а не для всегдашнего жительства». Хмельницкий добавлял, что он имеет в Херсонском уезде 3 тыс. дес. земли, и столько же его жена, «и на оной земле разные заведения, стоящие немалой цены». Хорунжий Черноморского войска Роман Гмыря также ходатайствовал в 1794 г. об исключении из войска. В представленных документах он доказывал, что в прошлом был малороссийским старшиной и происходит из дворян, в Запорожской Сечи никогда не был, а в черноморцы попал в 1788 г. под Очаковым; дома, в местечке Сенче, у него есть имущество и т.д. Он категорически заявлял: «К высылке на новопожалованную землю вовсе я не подлежу и желания на то не имею». В Черноморское войско тянулись бывшие реестровые казаки с Левобережья. Припиской к черноморцам они пытались избавиться от крепостнических цепей. Конечно, осуществить это зачастую было очень нелегко, в особенности, когда казак уже попал в описи крепостных. Казак Деревянковского куреня Карнаушенко в своем прошении в Кош от 1789 г. писал, что он уроженец местечка Камышной, Миргородского уезда, «древнего казачьего по Малороссии звания». В декабре 1788 г. Карнаушенко прибыл в Херсон и вступил в черноморцы. Мотивы, руководившие им, объяснены очень ясно и подробно. Помещик Камышной Никита Супруненко «без всякой причины отца моего Потапа Карнаушенко со всем его семейством забрал к себе во двор, — писал проситель, — и все движимое имущество заграбил, привлекает в подданство...». Карнаушенко просил дозволения его отцу со всем семейством и имуществом переселиться в казенное селение Станиславов, вошедшее потом в состав войсковой территории. Иными словами, Карнаушенко припиской к черноморскому казачеству хотел вернуть своей семье свободу. Порядок службы в

Черноморском войске, допуская поставку наемников, соблазнял нередко состоятельных людей из торгового слоя. Грек Андрей Синопуло, переселившийся в Россию из Македонии в 1783 г. и вступивший в «боспорское греческое купечество» по 3-й гильдии, подал в 1796 г. прошение о причислении его в Черноморское войско и о производстве в чин. Синопуло объяснял: «Состоя в боспорском греческом купечестве, имел на принадлежащей сему войску земле торг, отряжал на службу за себя наемного казака в поход». Для подобных элементов приписка к казачеству была сопряжена с большими выгодами: освобождением от податей и повинностей при ничтожных затратах на содержание наемников. Попадали в Черноморское войско и однодворцы. Казак Николай Гамов на допросе в 1798 г. показал, что он по происхождению однодворец из с. Ольховец, Елецкого уезда, Орловской губернии. Воспользовавшись указом Екатерины II, приглашавшим желающих однодворцев для службы на кавказской линии, он пошел на Кавказ и после ряда перипетий в 1794 г. попал на Кубань, где и поступил в Шкуринский курень. При этом Гамов добавил, что «тогда же был от его поставлен казак на Константиновский кордон на службу на собственном его иждивении». Документы отмечают вступление в казаки разночинцев — выходцев из среды духовенства, отставных офицеров и солдат, мещан и др. Так, сыновья священника Василий и Петр Миргорода в начале русско-турецкой войны «отрядили на собственном своем коште брата своего Алексея» в войско. Этим Миргорода приобрели казачье звание и были исключены из духовного сословия. Во время русско-турецкой войны, по приказанию адмирала де-Рибаса, в черноморскую казачью флотилию был причислен отставной прапорщик Тамбовского пехотного полка Иван Алексеевич Шарафатов. В то же время в войско вступил отставной ротмистр Молдавского гусарского полка Иван Волошин и т.д. Поселение Черноморского войска между Бугом и Днестром, естественно, привлекло в казачьи ряды значительную часть местного молдаванского населения. В черноморцы поступало и молдаванское население, жившее на правом берегу Днестра. Об этом говорится в ордере де-Рибаса от 13 ноября 1790 г.

молдаван, вступивших в казаки, составляло местное трудовое крестьянство. В 1796 г., например, в Екатеринодар был прислан некто Степан Урсалов, арестованный в Воронежском наместничестве из-за отсутствия документов. На допросе он показал, что родился в молдаванской семье в г. Сергееве и, достигнув совершеннолетия, направился оттуда на заработки в Могилев. Позже пошел в Очаков, где нанялся к турку пастухом. Во время русско-турецкой войны он отогнал хозяйский скот в Измаил и стал жить, нанимаясь в работники. «Пожелав продолжать службу в войске черноморском, — объяснял Урсалов, — прошлого 795 г. в августе месяце пошел во оное без письменного вида и дошедши Воронежского наместничества Калитвенского уезда слободы Россоши взят за неимением письменного вида под караул». Черноморское начальство охотно приняло Урсалова в войско, предложив ему приписаться к любому куреню по желанию. В отдельных случаях в казаки вступали болгары, сербы, арнауты (албанцы), выходцы из Польши и др. В 90-х годах, например, в Черноморское войско был принят прапорщик российской службы серб Кристо Юрич. В связи с ордером генерала М.И. Кутузова от 19 июля 1789 г. Кош причислил к войску пятнадцать арнаутов из украинской армии. В массе крестьянской бедноты, вступавшей в Черноморское войско, мы встречаем и беглых из Великороссии. На допросе в 1795 г. казак Григорий Темный, 60 лет, показывал, что он родился в слободе Зушево, Новосильского уезда, Тульской губернии, в семье крепостного, принадлежавшего помещику В. Кречетову, жил дома до 30 лет, женился, а в 1789 г. бежал и приписался в Батурицкий курень черноморской флотилии. Василий Теняненко на допросе в 1789 г. заявил, что родился он в слободе Шаховой, Козловского уезда, Тамбовской губернии, принадлежавшей графу Воронцову, и в 20 лет отправился с дядей в извоз. Приехав к Азовскому морю за рыбой, он бежал на Кубань и нанялся к казаку Тимофею Чмелю и т.д. Подобного рода примеров можно привести множество. Таким образом, Черноморское казачье войско складывалось из разных элементов, однако основная масса его была представлена бывшим запорожским казачеством.

